

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-101-109>

УДК 008

ББК 71.0



This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. М. Н. Жиленко

г. Москва, Россия

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И СИСТЕМНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: Культурологию как научную дисциплину отличает присущий ей особый подход к изучению феноменов культуры — междисциплинарный или системный. Подобная методологическая специфика неразрывно связана как с условиями возникновения новой научной области, так и с актуальными потребностями науки в целом. Создатель культурологии В. Оствальд отводит ей роль вершины научного знания о человеке. Откликнувшийся на идеи В. Оствальда Андрей Белый указывал на необходимость сочетания в культурологе таких линий, как поэзия, философия, история, этнография, позволяющих совмещать рациональное постижение мира культуры с эмоциональным проникновением в него. Междисциплинарный характер исследований культуры во многом обусловлен логикой развития науки в целом: появление культурологии знаменует движение от дисциплинарного подхода, изучающего части в отвлечении от целого, к целостному восприятию мира, учитывающему взаимосвязи составляющих систему элементов. В этом отношении научная методологическая смежность является для культурологии принципиальной.

Ключевые слова: культура, культурология, методы исследования, системность, междисциплинарность.

Информация об авторе: Мария Николаевна Жиленко — кандидат культурологии, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Институт славянской культуры, Хибинский пр., д. 6, 129337 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1196-4935>. E-mail: zhylenko@mail.ru

Дата поступления статьи: 25.08.2020

Дата публикации: 28.12.2020

Для цитирования: Жиленко М. Н. Междисциплинарность и системность как методологические основания в исследованиях культуры // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 101–109. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-101-109>

С тех пор, как мир культуры полноправно вошел в область исследования относительно новой науки культурологии, не стихают споры о ее актуальности, значимости и оригинальности. Самым весомым аргументом в поддержку культурологии в этой полемике выступает присущий ей особый подход к изучению феноменов культуры — междисциплинарный, или системный. Поскольку именно эта особенность отличает

культурологию от прочих гуманитарных дисциплин, логичным представляется начать с определения того, что такое метод, методология и подход и что принято понимать под междисциплинарностью.

Итак, согласно статье философского словаря, метод есть «способ достижения цели, определенным образом упорядоченная деятельность» [6, с. 278]. Иными словами, метод дает нам ответ на вопрос «Как следует познавать?» и представляет собой комплекс исследовательских технологий, определяющих путь ученого к постижению предмета исследования. Методология же имеет два основных значения: во-первых, она есть «совокупность познавательных средств, методов, приемов, используемых в какой-либо науке», и, во-вторых, она также предстает как «область знания, изучающая средства, предпосылки и принципы организации познавательной и практически-преобразующей деятельности» [6, с. 278]. Применительно к культурологии ее методы представляют собой систему «аналитических приемов, операций и процедур, используемых в анализе культуры и, в определенной степени, конструирующих предмет культурологического изучения» [2, с. 279]. Понятие «подход» — более широкое, чем метод: оно изначально стремится ответить на вопрос не «как познавать», а «что следует познавать и с каких позиций». Культурологический подход, таким образом, определяет, какую предметную область необходимо выделить в культуре (не ограничиваясь при этом привычными узкими рамками гуманитарного анализа) и какова будет в каждом конкретном случае исследовательская стратегия. Междисциплинарность и системность культурологического подхода в полной мере возможно будет определить в итоге настоящего исследования, а пока ограничимся предварительной характеристикой. В самом общем виде эта особенность культурологии состоит в интеграции, систематизации и применении в исследованиях культуры знаний и методов, накопленных в области смежных наук.

Очевидно, что методологическая специфика культурологии неразрывно связана как с условиями ее возникновения, так и с актуальными потребностями науки в целом, которые в этой связи заслуживают отдельного внимания. Безусловно, развитие культурологической мысли начинается задолго до возникновения собственно науки: многие проблемы культуры осмыслились в рамках философии, истории, социологии, этнографии, психологии и т.п. Возможно, такой первоначальной «рассредоточенности» своих идей в недрах разных наук культурология также обязана своей междисциплинарностью, поскольку впитала в себя данные и методы всех этих дисциплин. Но причина кроется не только в этом.

Известно, что само слово «культурология» впервые появляется в 1909 г. в немецкоязычной статье «Наука и культура» Вильгельма Фридриха Оствальда (1853–1932) — русско-немецкого физика, химика, философа-идеалиста, лауреата Нобелевской премии по химии 1909 г. Необходимо сказать, что неординарная личность В. Оствальда немало способствовала уникальности предложенной им новой науки. Круг его интересов отнюдь не ограничивался вопросами химии и физики: имея художественный опыт, Оствальд разрабатывал научно обоснованную систему цветов, занимался вопросами искусственного языка Идо, активно способствовал международному сотрудничеству ученых. Созданная им концепция «энергетизма» дает философскую интерпретацию физических законов и сближает области физики и философии. Считая энергию единственной реальностью, Оствальд предлагал заменить в философии понятие «материя» понятием энергии и распространить энергетический подход на область общественных явлений, что позволит исследовать энергетическую базу культуры.

Метапредметность его взглядов полностью соответствует специфике введенной им культурологии и задачам, на нее возлагавшимся. Статья «Наука и культура», в которой Оствальд впервые представляет ее читательскому взору, вошла в книгу «Энергетический императив» и была издана в России, в Санкт-Петербургском товариществе «Екатерингофское печатное дело» уже в 1913 г. Таким образом, оказывается, что слово «культурология» было переведено на русский язык в 1913 г. В статье ученый рассуждает о назначении, становлении и перспективах развития науки в целом, а затем переходит к изложению классификации наук и определяет место культурологии в их ряду. Представляя перед нами путь развития науки от ее истоков до современного ему состояния, Оствальд отмечает, что «на ранних ступенях человеческой культуры наука является профессией отдельных руководящих лиц или групп человеческих обществ, причем она еще всецело сливается в своих проявлениях с функциями государства и религии. Но по мере неизбежно усиливающегося разделения труда в управлении народными массами, начинается отделение исполнительных или активных органов от управляющих или организующих, и среди этих последних мы находим науку» [3, с. 70].

Показательно, что задачей науки в целом Вильгельм Оствальд называет возможность предвидения будущего: «Так как управление и создание порядка основано на умении с большей или меньшей определенностью предвидеть будущее (потому что без такого предвидения никакие расчеты не имеют смысла), то основой и целью всякой науки является предвидение. От жрецов и пророков древних народов, предсказывавших по жертвенным знакам и иным наблюдениям успех предпринимаемой войны, до генерального штаба германской армии, который предсказывает успех, основываясь на знании военной организации противника, вооружения и т. д. — ведет непрерывная линия развития. Цель осталась прежней — именно, предсказание — и только средства для этого испытали громадное улучшение» [3, с. 70–71]. И далее: «Таким образом, в слове наука скрывается следующее содержание: познание бывшего и происходящего с целью предсказания будущего. В здоровой науке всегда сохраняют свои места оба эти жизненные факторы. Но по близорукости мысли ученые часто склонны пренебрегать той или иной стороной этой двойственной задачи» [3, с. 72]. Оствальд при этом особо предостерегает от чаще всего встречающегося ошибочного взгляда, согласно которому «простое знание бывшего и происходящего само по себе уже представляет науку. К сожалению, нельзя отрицать, что значительная часть нынешних университетских наук не свободна от этого упрека» [3, с. 72].

Определив общую задачу науки, В. Оствальд переходит к проблеме ее классификации. Из всех многочисленных вариантов он выделяет классификацию, предложенную французским философом и социологом Огюстом Контом, но излагает ее не в первоначальной форме (которую считает несовершенной), а в соответствии с собственным видением. Таким образом, представленная Оствальдом классификация является по большей части плодом его собственных измышлений. Изначально все науки он разделяет на чистые и прикладные. Первые разрабатываются «ради полноты и порядка научного склада» [3, с. 93], их цель — «приведение в порядок необходимых для культурного прогресса знаний, проверка мыслей, выработка методов; и если дело поставлено рационально, то она вырабатывает не только то, что потребно именно в данный момент (в этом заключается задача прикладной науки), но систематически снабжает склад всеми орудиями мышления, которые где-либо могут найти практическое применение» [3, с. 82]. Прикладным же наукам он считает более правильным дать другое название, как он пишет, «вроде искусств, как они и назывались ранее сообразно с сутью дела» [3, с. 93].

Все чистые науки Оствальд, в свою очередь, подразделяет на три большие группы. Первую группу наук он объединяет названием «формальные» и относит к их числу логику, математику, геометрию, фонономию, кинематику. Это науки о самых общих свойствах вещей, основным понятием для них выступает «порядок». Далее следует группа «физических» наук — механика, физика и химия. Для них основным понятием является «энергия», и они «обнаруживают все более возрастающее количество свойств или отношений» [3, с. 91]. И, наконец, третья группа — «биологические науки, или науки о жизни» — физиология, психология и культурология. Как отмечает Оствальд, «физиологии отводится область самых общих, а потому самых низших жизненных явлений, тогда как психологии, приходится иметь дело с душевными явлениями, как у человека, так и у животных. Последней и наивысшей наукой является, наконец, наука о человеке и его особых проявлениях. Ее лучше всего следовало бы назвать антропологией, если бы это название не было уже приложено к одной из небольших областей всей совокупности наук о человеке. Может быть, ее следовало бы, по аналогии с физикой, назвать антропикой» [3, с. 92]. Таким образом, в развернутом перед читателем пути научного развития Вильгельм Оствальд отводит культурологии роль вершины научного знания «о человеке и его особых проявлениях», вершины «наук о жизни». Так, культурология, будучи чистой наукой, имеет своей конечной целью прогнозирование и приведение в порядок имеющихся знаний о человеке и созданном им мире. Надо отметить, подобное понимание назначения культурологии сохраняет свою актуальность и по сей день.

Становление культурологии как науки так же обоснованно связывают и с именем американского антрополога Лесли Алвина Уайта (1900–1975). Ему пришлось приложить немало усилий как для признания ученой общественностью самого слова «культура» в качестве научной категории, так и для популяризации новой дисциплины, которая, по мнению многих его современников, дублировала уже существующие науки. Находились и такие противники культурологии, которые выступали против сложения латинского корня (*cultura*) с греческим (*logos*). Отстаивая непопулярную концепцию культурологии, Уайт фактически обрекал себя на научную изоляцию.

По его собственным словам, Уайт впервые употребляет в печатном виде слово «культурология» в статье 1939 г. «Проблема терминологии родства» [5, с. 153], хотя уже за несколько лет до того использовал его в своих устных лекционных курсах. При этом он долгое время именно себя считал создателем новой научной области, не зная об уже проделанной в этом отношении работе своего европейского коллеги В. Оствальда. Публикация «Наука о культуре», в которой Уайт достаточно полно обосновывает как право культурологии на существование, так и ее специфику, выходит несколькими годами позже, в 1949 г., и к тому времени он уже цитирует Оствальда, обретя в его лице авторитетного единомышленника. В качестве эпиграфа к статье «Наука о культуре» Уайт выносит слова Вильгельма Оствальда из его работы «Принципы теории образования»: «Специфически человеческие особенности, отличающие род *homo sapiens* от всех прочих животных видов, охватываются наименованием “культура”; следовательно, науку о специфически человеческих способах деятельности вполне можно было бы назвать культурологией...» [5, с. 141].

Не будем, однако, слишком вдаваться в детали дискуссии Л. А. Уайта с его научными коллегами по поводу права науки и слова «культурология» на существование. Ибо хотя его деятельность во благо культурологии и является, бесспорно, подвижнической и во многом решающей, но подробности этой научной полемики не имеют не-

посредственного отношения к междисциплинарности науки о культуре как к предмету настоящего исследования. Приведем лишь слова Уайта, демонстрирующие очевидный для него отход культурологии от узкой специализированности гуманитарного исследования: «“Культурология” выделяет некоторую область реальности и определяет некую науку. Делая это, она покушается на первейшие права социологии и психологии. Конечно, она делает даже нечто большее, чем покушение на них; она их присваивает. Т. о. она проясняет, что разрешение определенных научных проблем не лежит, как предполагалось прежде, в области психологии и социологии, но принадлежит к науке о культуре, т. е. может быть осуществлено только ею. Как социологи, так и психологи не желают признавать, что есть такие проблемы, относящиеся к поведению человека, которые находятся за пределами их областей; и они склонны выказывать обиду и сопротивляться науке-высочке, заявляющей на них свои права» [5, с. 154]. Таким образом, Уайт в пока еще неявной форме подчеркивает, что узкая специализация вредит исследователю культуры, поскольку не позволяет увидеть взаимосвязи изучаемого объекта со всем пространством культуры.

Если внимательно посмотреть на становление культурологии в России, то оказывается очевидным, что и у нас оно так же происходило с пониманием междисциплинарной специфики новой науки. Одним из первых в русской мысли отреагировал и поддержал идею Вильгельма Оствальда поэт, представитель русского символизма Андрей Белый. В статье «Проблемы культуры», вошедшей в книгу 1922 г. «Путевые заметки. Т. 1. Сицилия — Тунис», он не только приводит рассуждения о том, что такое культура, и употребляет слово «культурология», но очень четко формулирует основную задачу исследователя культуры: «...культуролог должен схватывать целое многообразия проявлений культуры; он должен и видеть и слышать в стремительных переплетениях линий культуры — то целое, которое не отошьется в понятие о нем. Потому-то подлинными философами культуры бывали те люди, в которых существовало сплетение редко сплетаемых линий: поэзии, философии, истории, этнографии» [1, с. 255]. Очевидно, что схватывание «целого» требует, как мы это называем сейчас, системного, комплексного подхода. Говоря о необходимости сочетания философско-теоретического направления в исследованиях культуры с должным вниманием к бесчисленным проявлениям мира человека, Белый в то же время предостерегает о двух опасностях. С одной стороны, это уход в абстрактное теоретизирование, которым «грешил» исследователь XIX в. — «угрюмый педант, отвлеченный от жизни культуры» [1, с. 254], с другой — превращение науки о культуре в описательную дисциплину, «культуроведение, ведение предметов культуры», при котором «культура — нагромождение многообразных тяжелых предметов» [1, с. 254]. Иными словами, Андрей Белый ратовал за сочетание рационального подхода с эмоциональным проникновением в мир культуры.

Дальнейшее развитие культурологии, происходившее уже в современной нам России, также шло в русле междисциплинарности, причем по вполне объективным причинам. В 1992 г. в ходе реформирования состава обществоведческих дисциплин культурология была введена в число обязательных общеобразовательных курсов, в программы Госкомитета по высшему образованию Российской Федерации. В том же году был разработан Госстандарт образовательной специальности «Культурология», по которой в вузах стало проводиться обучение студентов. Однако при этом преподаватели, пестовавшие первых студентов-культурологов, сами по понятным причинам дипломированными культурологами не являлись. Это были философы, историки, искусствоведы, литературоведы, социологи, политологи, психологи и т. п., сотрудники

профильных научных институтов Российской академии наук, энтузиасты и эксперты высочайшего уровня. Такое единение лучших ученых разных областей в воспитании специалистов-культурологов неизбежно прививало студентам навыки системности в исследовательской деятельности. Именно таким был опыт Академии славянской культуры [впоследствии — Государственной академии славянской культуры, ныне — Института славянской культуры РГУ имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)], созданной как раз в 1992 г. и начавшей свое развитие с факультета культурологии. В Академии, практически одной из первых в стране, началась подготовка будущих специалистов-культурологов. Силами первого ректора ГАСК, а впоследствии и ее президента, доктора философских наук, профессора И. К. Кучмаевой была собрана команда уникальных ученых-педагогов разного профиля, идейных вдохновителей современной культурологии.

Как уже отмечалось, междисциплинарный характер исследований в культурологии во многом также обусловлен логикой развития науки в целом. Изначально научное знание было интегрировано в синкретичное видение мира, его носителями выступали старейшины, жрецы, которые одновременно были и руководителями, и целителями, и учителями, и астрономами и т. д., т. е. совмещали в себе много различных функций. Впоследствии древние греки также воспринимали окружающий мир как некое единое целое, в котором все явления взаимосвязаны. У них не существовало эмпирических наук в нашем современном понимании: так называемые конкретные знания входили в состав нерасчлененной античной философии, натурфилософии. Таким образом, и в глубокой древности, и в Античности преобладало системное мышление. Постепенный отход от него начинается лишь в эпоху Нового времени, в XVII в., когда возникает опытное естествознание и происходит разделение знаний по отдельным областям и научным дисциплинам. Именно с этим процессом связано возникновение так называемого дисциплинарного подхода, при котором каждая конкретная наука использует свои собственные познавательные методы и тщательно изучает свой обособленный предмет исследования. Бесспорно, дисциплинарный подход дал колоссальные результаты, позволяя ученым максимально глубоко проникнуть в суть изучаемого конкретного явления, но он же привел и к негативным последствиям. Очевидно, что различные науки накопили существенный объем знаний о культуре, каждая — в своей области, но тем не менее эти знания в большинстве случаев оставались разрозненными и изолированными друг от друга, давая представление лишь об отдельных аспектах культуры. Таким образом, мир, существующий целостно и синкретично, оказался искусственным образом разделенным на фрагменты между отдельными дисциплинами.

На фоне все большей дифференциации науки в начале XX в. возникают интегративные, междисциплинарные методы и теории, такие, как биофизика, биохимия и др. После Второй мировой войны нарастает мощное системное движение, причем как в естественнонаучных, так и в гуманитарных дисциплинах. Согласно этому подходу мир предстает в качестве системного целого, состоящего из огромного разнообразия подсистем разного уровня сложности и с самым разнородным содержанием. Понятие системы становится одним из центральных и подразумевает такое целое, которое состоит из взаимодействующих друг с другом элементов, порождающих в результате этого взаимодействия новые интегративные свойства системы в целом. Эти новые, эмерджентные, свойства системы отсутствуют у создающих ее отдельных элементов и не сводимы к свойствам частей.

В результате развития системного движения в 1973 г. появляется синергетика — новое междисциплинарное направление, изучающее самоорганизацию систем из хаоса. В переводе с греческого «синергетика» есть «совместное действие»; оно, как пояснял смысл этого слова его создатель Герман Хакен, означает, во-первых, теорию «возникновения новых свойств у целого, состоящего из взаимодействующих объектов», и, во-вторых, «подход, требующий для своей разработки сотрудничества специалистов из разных областей» [4, с. 5]. Движение, возникшее благодаря системным идеям современной науки и необходимости интеграции различных дисциплин, стало вызывать все больший интерес и оказало влияние на разные сферы деятельности.

Культура, в свою очередь, может быть представлена в качестве сложно организованной системы, и ее изучение требует интеграции не только данных, накопленных в разных науках, но и различных методов исследования, применяемых как в гуманитарных, так и в точных дисциплинах. В этой связи возникновение культурологии стало закономерным ответом на запросы современного научного поиска: изучение культуры как системы требует системности и в методологии научного познания. Появление культурологии, таким образом, знаменует дальнейшее движение от дисциплинарного подхода, изучающего части в отвлечении от целого, к целостному восприятию мира, учитывающему взаимосвязи составляющих систему элементов и их воздействие друг на друга. Возникновение культурологии как интегрирующей науки о человеке и окружающем его мире, таким образом, абсолютно естественно и своевременно, научная методологическая смежность для нее является принципиальной.

В свете этого позволим себе объемную, но исчерпывающую цитату из словаря «Культурология. XX век»: «Поскольку культурология — интегративная область знания, вбирающая в себя результат исследования ряда дисциплинарных областей (социальной и культурной антропологии, этнографии, социологии, психологии, языкознания, истории и др.), анализ реализуется посредством комплекса познавательных методов и установок, группирующихся вокруг некоего смыслового центра “культура и ее аспекты”, что позволяет переосмысливать многие представления и понятия, существующие в рамках каждой из составляющих дисциплин. В процессе культурологического анализа конкретные методы разных дисциплин, как правило, используются выборочно, с учетом их способности разрешать аналитические проблемы общекультурологического плана <...>. Все это дает основание говорить об определенной трансформации дисциплинарных методов, об их особой интеграции в рамках исследований культуры, что в итоге стимулирует развитие культурологического познания в целом» [2, с. 279]. И далее: «...в культурологическом познании используются лишь методы, способные решать задачи комплексного уровня познания <...>. Каждый метод теряет прежний характер самодостаточности, но приобретает качество взаимодополнительности, особой сопряженности с другими познавательными принципами, процедурами, приемами анализа, что позволяет культурологическому исследованию отображать свой сверхсложный объект — культуру» [2, с. 282].

В этом отношении претензии в адрес культурологии со стороны историков, социологов, искусствоведов и представителей прочих конкретных наук в том, что культурология посягает на их исконные области исследования, выглядят необоснованными. Эффективность междисциплинарного системного подхода отнюдь не преуменьшает значимости дисциплинарных исследований и уж тем более не отменяет их необходимости и востребованности. Более того, междисциплинарность во многом возможна именно благодаря данным, полученным в результате предметных исследований, поскольку

представляет собой их системное обобщение. В этом ракурсе становится очевидным отсутствие какой-либо угрозы со стороны культурологии в отношении конкретных гуманитарных дисциплин: у них разные подходы. Культурология не претендует на тотальное объединение наук о человеке, но решает с помощью знаний и методов смежных областей интегративную по своей природе задачу. Междисциплинарный культурологический подход предполагает сочетание рационального и иррационального, интеллектуального и эмоционального проникновения в мир культуры и позволяет создать целостный образ исследуемого явления с учетом всех его системных взаимосвязей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Белый А.* Путевые заметки. М.; Берлин: Геликон, 1922. Т. 1: Сицилия — Тунис. 310 с.
- 2 Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.
- 3 *Оствальд В.* Наука и культура // *Оствальд В.* Энергетический императив / пер. с нем. В. М. Познера; со вступ. ст. В. Вернера. СПб.: Тов-во Екатеринбург. печ. дело, 1913. С. 59–94.
- 4 *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / под общ. ред. и послесл. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. М.: Ежиториал УРСС, 2014. 304 с.
- 5 *Уайт Л. А.* Наука о культуре // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. С. 141–156.
- 6 Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1986. 590 с.

© 2020. Maria N. Zhilenko
Moscow, Russia

INTERDISCIPLINARITY AND SYSTEM APPROACH AS METHODOLOGICAL BASES IN CULTURE STUDIES

Abstract: Culturology as a new scientific discipline is notable for its special — interdisciplinary and systematic approach to culture studies. This methodological peculiarity is closely connected with the circumstances in which culturology appeared as well as with the needs of science. The field of culture studies was created by V. Ostwald who designed it as a pinnacle of scientific knowledge about man. A. Bely who appreciated the idea wrote that it was essential for a culturologist to be a poet, a philosopher, a historian and an ethnologist. This combination makes it possible to combine rational research with emotional understanding of culture. Interdisciplinarity of culture studies is also determined by the logic of scientific development. The emergence of culturology signifies a transition from disciplinary approach to interdisciplinarity. The latter considers interaction of the elements in the cultural system. In this respect scientific methodological adjacency is fundamental.

Keywords: culture, culturology, methods of research, system approach, interdisciplinarity.

Information about the author: Maria N. Zhilenko — PhD in Culturology, A. N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Institute of Slavic Culture,

Khibinsky dr., 6, 129337 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1196-4935>. E-mail: zhilenko@mail.ru

Received: August 25, 2020

Date of publication: December 28, 2020

For citation: Zhilenko M. N. Interdisciplinarity and system approach as methodological bases in Culture Studies. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 58, pp. 101–109. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-101-109>

REFERENCES

- 1 Bely A. *Putevye zametki* [Travel notes]. Moscow, Berlin, Gelikon Publ., 1922. Vol. 1: Sitsiliia — Tunis [Sicily — Tunis]. 310 p. (In Russian)
- 2 *Kul'turologiia. XX vek. Slovar'* [Culturology. 20 century. Dictionary]. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 1997. 640 p. (In Russian)
- 3 Ostval'd V. Nauka i kul'tura [Science and culture]. In: Ostval'd V. *Energeticheskii imperativ* [Energy imperative], translated from German by V. M. Posner; with an introductory article by V. Werner. St. Petersburg Tovarishchestvo Ekateringofskoe pechatnoe delo Publ., 1913, pp. 59–94. (In Russian)
- 4 Prigozhin I., Stengers I. *Poriadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoi* [Order out of chaos: New dialogue of man with nature], edited and afterword by V. I. Arshinov, Yu. I. Klimontovich, Yu. V. Sachkov. Moscow, Ezhitorial URSS Publ., 2014. 304 p. (In Russian)
- 5 Uait L. A. Nauka o kul'ture [The science of culture]. In: *Antologiiia issledovaniia kul'tury* [Anthology of research culture]. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 1997, vol. 1: Interpretatsiia kul'tury [Interpretation of culture], pp. 141–156. (In Russian)
- 6 *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary], edited by I. T. Frolova. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 590 p. (In Russian)